

Сергей СЛЕПУХИН

Из Гёльдерлина

Одно утешает,
между поломанных стульев
есть местечко присесть,
вздохнуть, отдышаться.
Комната с мебелью старой,
звёзды золотые огарки
в тусклом окне.
Неужели и вправду
всё это было,
и всё продолжается снова?
Можно ль продлиться,
в слова уходя без ответа?
Куклы безмолвны
на крашенном старом комоде,
неуследимы
в глазницах фарфоровых мысли.
Мартовский луч-простачок
в раме оконной хиреет.

Подпись под гравюрой

Rhinoseros, грозная броня,
зной свинцовый, пленный паладин,
время онемевшее граня,
ты стоишь на площади один.

Бронзовый горошек и вишй,
юфть блистает, глаз не оторвёшь.
Вялая растерянность в тиши,
липкий шелест неподвижных кож...

Ратник-неудачник носорог,
не твоя, скотинушка, вина!

Сергей Слепухин (1961 г.р.) – екатеринбургский поэт и художник. Закончил Уральскую медицинскую академию. Издавал литературный альманах «Белый ворон». Автор нескольких сборников стихов и книг эссе. Публикации в журналах «Звезда», «Нева», «Волга», «Крещатик», «Новый берег», «Иностранная литература» и др.

Дюрер, Дюрер, беспощадный бог,
ну, когда закончится война?!

Ветви ищут объятий, окна весны разноглазы,
женщина, мамка – земля – от родов тяжёлых отходит,
сердце раздето, а солнце еще без любви ледовито,
мысли мои тормозят в переходе на летнее время.

Ельник, мусор, стекло, стучит вдалеке электричка,
не различимы пока дождика водные знаки,
принято верить весной снова в бессмертье и вечность,
раны зимой залечив, выгнав подвальные тени.

«Нежная жизни игра...», – Гёльдерлин вымолвит бледный.
Бедный! Блаженство пьянит лишь дураков и младенцев.
Медленно и навсегда жизнь из тебя убывает.
Важно лишь то, мой дружок, что происходит сейчас.

В декабрьском сумраке, безвидной пустоте,
фонарный столб продолжен отраженьем,
лязг буферов, противный запах дыма,
толпа у кассы, синие сардельки
в буфете грязном, окна, жалюзи.

Страх поднадзорный толчеи вокзальной,
нечистой, неподвижной, обреченной,
спят пассажиры на скамейках узких,
им снится в охлаждённом полумраке,
что наступает тёмная весна.

Я тоже сплю, вокруг меня нагие
скульптуры, почерневшие от пыли,
неразлично мраморное племя
былых богов, уволенных, изъятых.
Мне кажется, я слышу демиурга,
а он меня старается не слышать...

Поезд громыкает по кривой,
три коротких, рокот горловой,

ход замедлился, идут колёса юзом,
жизнь сползает с рельс тяжелым грузом.
Еще мгновение, летучка райских птах,
не сказанное слово на устах...

Снеговик

Я не узнал его лицо:
перекосило нос и брови,
на месте глаза – стеклецо,
под подбородком – сгусток крови.

Посмертной маски злой оскал,
урод чумазый в маскхалате,
а я тебя лепил, ласкал,
смешное волшебство на вате!

В черно-белом кино,
полустёртом кино,
мутноглазые тени
стучат в домино,
в непрозрачных стаканах
густеет вино,
это было недавно,
это было давно.

Кто там с краю сидит –
мой ли дядя, отец,
в легкой куртке спортивной
лихой удалец?
Над его головой
вековечный покой
бледный свет ускользает
во мрак нежилой.

Чьи-то тянутся руки
ко мне с высоты,
и чернеют антенны,
белеют кресты,
искаженные лица
теперь неживых,
пополам с лебедою
подсолнечный жмых.

Вот и всё. Исчезает
в закадровый плюш
чей-то замысел странный,
история душ
отслуживших, потраченных,
бывших, пустых,
пыль отжитого рая
и дней золотых.

Он умер в первый год ковида,
хороший парень, не дурак,
его свезли на дно Аида
в чумной пустующий барак.

Ловчила, шарлатан – двадцатый –
не карантин, а карнавал!
Как бандюганы и пираты,
мы в масках ринулись на бал.

Всё это фейк, одна халтура!
Нас – смерть не тронет и пройдёт!
Под лампочкой без абажура
не разглядели у ворот...

Неумолимо приближаясь,
сквозь запах гари и судьбы,
пришла, блаженно улыбаясь,
круша заборы и столбы.

У касс вокзальных протянула
в нечистой тёмной толчее
этапников без караула,
и объявила: Время «Ч».

Ах, кухонные диатрибы,
тоска тревоги, сплетен вязь!
Не на Майями и Антибы –
мы в смерть отправились, крестясь.

В намоленном пространстве, с краю,
в мрак клали всех заподлицо...
Но почему не забываю
его ожившее лицо?!

Памяти Володи Орлова

Чудаков Сергей Иваныч
упросил остаться на ночь,
пьет и курит, гонит сон,
сумасшедший Аполлон.

На стене девичья ножка –
карандашные штрихи,
мне б доспать еще немножко,
но прилипчивы стихи!

Как сверкает в психопате
капля слова, чудо-ртуть!
Ну, а он сидит в халате,
не умыт, цыплячья грудь.

Аферист, изгой болезный,
не ударник, не сачок,
совершенно бесполезный
небородный мужичок.